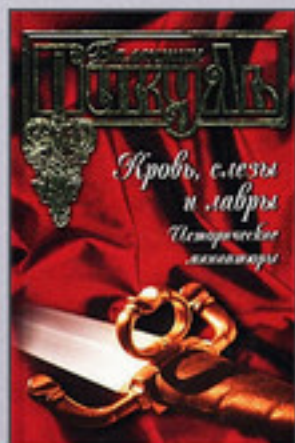

Валентин Пикуль

Судьба баловня судьбы

*Часть сборника
Кровь, слезы и лавры.
Исторические миниатюры*

Кровь, слезы и лавры

Валентин Пикуль

Судьба баловня судьбы

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

Судьба баловня судьбы / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ», — (Кровь, слезы и лавры)

«Смолоду я питал особый интерес к Финляндии, самоучкой пробовал изучать финский язык. Помнится, я даже пытался переводить стихи Руненберга, но поэт Всеволод Рождественский (мой первый учитель, ныне покойный) отсоветовал мне их печатать...»

Валентин Пикуль

Судьба баловня судьбы

Смолоду я питал особый интерес к Финляндии, самоучкой пробовал изучать финский язык. Помнится, я даже пытался переводить стихи Руненберга, но поэт Всеволод Рождественский (мой первый учитель, ныне покойный) отсоветовал мне их печатать. С тех пор миновало много лет; я не изменил своим интересам, с любопытством вникая в финскую историю, а точнее – в финско-шведскую, ибо Финляндия с XIII столетия была захудалой провинцией королей Швеции. В одном из своих романов я вскользь коснулся судьбы баловня судьбы Густава-Морица Армфельта, теперь хотелось бы рассказать о нем поподробнее.

Издавна принято думать, что шведы, под стать природе своей страны, народ угрюмый, деловито-разумный в словах и поступках, лишнего они не скажут, а пустяками не занимаются. Может, в этом и есть доля истины. Но если бы заглянуть в Стокгольм конца XVIII века, нам могло бы показаться, что мы попали в легкомысленный Версаль, где порхают амурсы над газонами, а ленты Гименея чаще рвутся, нежели скрепляют сердца людей.

Жизнь и карьера Армфельта оказалась сопряжена с Россией, и настолько тесно, что он попал даже на страницы «Советской Исторической энциклопедии», где ему посвящена отдельная статья, а до революции в России вышла об Армфельте целая монография. Но жизненный путь этого человека, осыпанный не только розами, но и устланный терниями клеветы и проклятий, настолько необычен, что поначалу даже не знаешь, как к нему подступиться, где начало его удивительной судьбы.

Начнем со свадьбы! В 1785 году король Густав III чересчур пышно праздновал бракосочетание своего любимца Армфельта со знатной девицей из рода Делагарди, которую потом в России именовали Гедвигой Понтусовной. Счастливой невесте было 20 лет, и она безмерно гордилась своим будущим мужем, красота которого была равна его военным и дипломатическим талантам. Новобрачные сидели на высокой балюстраде, а под ними развернулась красочная картина церемонии, почти театральной. Свадебный ритуал завершала кавалькада всадниц, составленная из юных фрейлин королевы. Но вдруг...

Вот эти роковые «вдруг», так часто случающиеся в истории, иногда способны изменить развитие самой истории, даже самой пристойной. Вдруг из кавалькады всадниц вырвалась одна из наездниц в костюме сказочной нимфы. Крупным галопом, словно драгун, она подскакала к балюстраде и вздыбила коня перед женихом, с вызовом тряхнув головой, отчего ветер растрепал ее длинные, как у русалки, волосы. Ее плечи обнажились.

– Кто эта дерзкая? – спросила невеста.

– Магдалина Руденшольд, – мрачно ответил Армфельт...

Впечатление от красоты наездницы было столь сильным, что прямо от свадебного стола, презрев все законы приличия, Армфельт бросился искать Магдалину, и в эту же ночь она распахнула ему свои пыльные объятия. Гедвига Делагарди была оскорблена и рыдала, а король спрашивал придворных:

– Куда же делся мой любимый Армфельт? Если он решил переиграть свадьбу, так мог бы сделать это и завтра... Нельзя же так бесстыдно нарушать мое торжество!

«Впрочем, – замечает шведский летописец, – это никого не смутило: в то распущенное время при шведском дворе Густава III бывали и не такие еще случаи...»

Другой историк, Ингвар Андерссон, писал: «Трудно дать единую картину того времени, когда переплетались мрак и свет, нужда и роскошь, новые и старые... идеи». Пока в Стокгольме двор короля потешал себя карнавалами, Швецию из года в год постигали неурожаи, народ вымирал от голода, а король пускал запасы хлеба на выделку дешевой водки, чтобы его казна

не пустовала. Толпы нищих бродили по улицам городов, вымаливая под окнами милостыню, а продажные ученые доказывали Густаву, что водка – «лучшее лекарство для бедняка». Этот период шведской истории получил название «эпоха казенного пьянства».

Но близилась Французская революция, идеи которой восхищали молодых шведов. Финский патриот Магнус Спренгпортен основал тайный «Орден Валгаллы», желая, чтобы Финляндия обрела независимость. Армфельт, сам уроженец Финляндии, знал нужды своей бедной родины, и потому, невзирая на дружбу с королем, охотно соглашался со словами Спренгпортена:

– Мы стали военной добычей викингов, а когда наши жалкие покосы и пашни вытаптывали в войнах Швеции с Россией, финны страдали одинаково – как от победителей, так и от побежденных. Даже голод в Финляндии страшнее голода в Швеции!

– Будьте осторожны, – предупреждал Армфельт, – иначе ваша голова будет положена в гробу между ваших ног...

В секретном кабинете своего замка Густав III однажды принял Эренстрема, поручая ему разведать о состоянии русских войск в Прибалтике. «Во время этого разговора, – писал Эренстрем, – Армфельт высунулся посмотреть, кто был в комнате. Кажется, это не понравилось королю, так как он сказал: „Это нехорошо, барон Армфельт слишком умен и угадает причину, почему вы со мною...“ Армфельт, конечно, догадался, что его друг-король готовит войну с Россией, дабы громом побед на Балтике подавить недовольство в народе, а заодно расправиться с оппозицией в дворянстве... Армфельт намекнул:

– Не слишком ли мрачны виды на будущее, король?

– Возможно! – согласился Густав III. – Но я не боюсь участи своего достоправного предка – короля Карла Двенадцатого, которого пристрелили в траншеях под Фредриксхальде...»

Война началась в 1788 году, когда Россия сражалась на юге с Турцией, и казалось, что с открытием второго фронта на севере Европы русские капитулируют. Но шведы говорили: «Наш король сошел с ума! Его, как Эрика XIV, нужно засадить в замок финского Або, откуда не следует выпускать». Офицеры перестали кланяться королю, уходили из армии в отставку. «Орден Валгаллы» сеял на фронте листовки, призывая солдат не повиноваться приказам, не нарушать рубежей с Россией... Военное единоборство соседей не принесло Густаву III лавров: шведы воевать не хотели, а русским совсем не хотелось бить их. В мемуарах «Капище моего сердца» князь Иван Долгорукий, тогда офицер, описывал, как вечерами шведы и русские встречались у костров, распивая шампанское, о войне напоминали караулы, стерегущие эти проявления «дружбы» со взведенными курками пистолетов. Армфельт в одной из стычек получил от русских пулю в плечо; он не скрывал от короля, что уже вступил в переписку с русским командованием об условиях мира:

– Не забывайте, что я тоже финн по рождению, и мне ли осуждать офицеров, перешедших служить под русские знамена.

– Это предатели! – заявил король.

– По отношению к вам, – уточнил Армфельт, – но, предав вас, они не предавали родины. Поищите врагов в своем доме...

Намек касался брата короля, герцога Карла Зюдерманландского: видя, как шатается престол под его братом, герцог не мешал оппозиции, втайне надеясь на падение Густава III, чтобы самому воссесть на престоле древней династии Ваза.

В 1790 году Стокгольм запросил у России мира.

– Вот и поезжайте в Верель, – указал король.

Верель – финская деревушка на берегу пенистой Кюмени, где барон Армфельт представлял Швецию на мирных переговорах. Он не выразил никаких требований к России, соглашался оставить Кюмень пограничной рекой, просил о насущном:

– Откройте свои порты на Балтике для наших коммерческих кораблей, чтобы Швеция и Финляндия могли беспошлинно закупать русский хлеб, дабы накормить всех голодных...

М и р! Эренстрем писал: «После обеда русские офицеры чуть не задушили нас своими объятиями», они свободно шлялись по шведскому лагерю, а шведы запросто лезли в палатки русских солдат, среди которых было немало башкир и калмыков. Здесь же, в суматохе банкетов и возгласов ликований, бродил, никем не признанный, сам король Густав III, скрываясь под скромным сюртуком, надвинув на глаза шляпу с широченными полями.

– Мост уже перекрашивают, – шепнул он Армфельту...

Русскую сторону моста на Кюмени побелили, а шведскую расписали цветами национального флага. Екатерина II была очень довольна миром, развязавшим Петербургу руки на севере, чтобы вся мощь России могла обратиться против султанов. Потому она щедро отсыпала 3000 червонцев в бриллиантовую табакерку.

– Отдайте Армфельту! Я не удивлюсь, – сказала императрица, – если он попросит у меня орден Андрея Первозванного. Буду откровенна: я выписала для него секретный вексель на десять тысяч рублей – пусть транжирит их со своей нимфой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.